

НАДЕЖДА АФАНАСЬЕВНА МОРОЗОВА
Вильнюсский университет

К изучению особенностей литургического произношения старообрядцев Литвы

В 1999 г. исполняется 320 лет с тех пор, когда, согласно старообрядческой летописи, на территории Литвы появился первый сторонник “древлеправославного благочестия”: “В сем году 1679-м прииде в Литву от страны Московския муж именем Трофим Иванов, бывший в царствование Алексея Михайловича военнотружаший стрелецкой десятник под командою воеводы Мещерина, посланного разорить соловецкую киновию, при котором будучи самолично видевший разорение святой обители и страдание преподобных отец соловецких за древлеправославное свято отеческое благочестие и от того самовидения прииде в великое умиление, раскаявся о своем зверском немилосердии к святым отцам. Тогда утаився от всех, оставляет российское отечество, приходит в Литовскую землю и водворився ту, пребысть до кончины своея...” [ДЛ, 187]. Спустя 30 лет, по данным той же летописи, был построен первый молитвенный дом: “В сем 1710-м году моленна в Пуши, яже есть Кревенская устроися в начале 18-го столетия, до рижского взятия, в царствование Петра Алексеевича 1-го, и при ней настоятельство благословением Афанасия Терентьича” [там же, 190].

Традиционно считается, что русские старообрядцы в силу своего консерватизма и замкнутости, т.е. ограниченности контактов с иноверцами, сумели сохранить и донести до нас многие характерные черты русской культуры допетровской России. Достаточно вспомнить старинные иконы и книги, которые староверы бережно хранили и передавали из поколения в поколение, практику знаменного пения и другие особенности дониконовского православия, а также различные стороны традиционной духовной и материальной культуры.

У старообрядцев Литвы до середины нашего века сохранялась церковнославянская рукописная практика, а XVIII–XIX вв., видимо, существовали книжные центры и мастерские, отличавшиеся своим художественным стилем. В некоторых приходах до сих пор служат по рукописным тетрадкам... Сохранили старообрядцы и особую, отличную от ортодоксального православия, систему церковнославянского произношения.

Литургическое произношение старообрядцев Литвы не было объектом специального научного исследования. Монография Б.А. Успенского [1968], посвященная описанию системы чтения церковнославянских текстов, сохранившейся у старообрядцев-беспоповцев, была опубликована более 30-ти лет назад. В этой работе были использованы и некоторые материалы из Прибалтики.

По мнению Б.А. Успенского, для литургического произношения старообрядцев-беспоповцев характерны следующие признаки: отсутствие редукции и *аканья*, различение *ѣ* и *е*, произношение редуцированных *ѣ* и *ь* как в конечной, так и срединной позиции, произношение *з*-фрикативного, отсутствие позиционных изменений в произношении согласных, особенно ассимиляции по глухости-звонкости. При этом Б.А. Успенский отмечает, что различие в произношении *ѣ* ~ *е* и *ѣ* ~ *ь* выражается скорее не в качестве самих гласных, а в качестве предшествующих им согласных. В сочетаниях согласного с *ѣ* произносится мягкий согласный, в сочетаниях тех же согласных с *е* произносится твердый согласный, т.е. $C + B = [C'E]$, а $C + E = [CE]$, где C — согласный. Произнесение редуцированных слышится лишь при достаточно отчетливом и медленном произношении, причем в срединной позиции *ь* произносится более отчетливо, чем *ѣ*. Чаще всего акустически о наличии редуцированных свидетельствует отсутствие оглушения конечных звонких согласных и наличие придыхания и усиления в произношении конечных глухих взрывных согласных, а также отсутствие ассимиляции в группах согласных [1968, 29–82].

Полевые исследования последних лет показали, что реальная картина практики литургического чтения или, точнее, практической реализации закономерностей, отмеченных Б.А. Успенским, намного сложнее и неодинакова у старообрядцев отдельных регионов Литвы. Это и будет показано в данной работе, материалом для которой послужила запись *панихиды* (заупокойной службы) и чтения Псалтыри, посвященные годовщине смерти моей бабушки Домники Захарьевны Дмитриевой-Тимофеевой, сделанная в ноябре 1998 г. в Рокишкисе.

Как показывает анализ записей чтения различных церковнославянских богослужебных текстов, все названные Б.А. Успенским признаки в той или иной степени характерны для системы литургического произношения¹ всех чтецов, ставших нашими информаторами. Наиболее последовательно сохраняется оканье и тембр безударных гласных (отсутствует количественная и качественная редукция) при чтении Псалтыри², ср.: *долꙋотэртн"елѣс*, *наводѣ*, *обратѣтисѣ*, *уготѣва*, *исповѣмѣ*, *ꙋспод"и ꙋспод' наш яко чꙋдно*, *ꙋсподэви*, *святꙋѣму*, *поꙋ ѣмени ꙋсподню*, *обетованїиѣ*, *положѣл*, *уповѣх*, *со-*

твори́т, возвратя́тся 'возвратятся', *благоуго́жду, кре́пок, сла́вою, я́ко* (часто), *гре́шнаго, сло́во, йеди́наго* и многие др. Отступления от указанного принципа при псалмодическом чтении и пении сравнительно редки и, возможно, индивидуальны, т.е. зависят от внимательности чтеца: *посяти́, чилове́ч*, *прихо́дѣишиа* 'прѣходящие', *покари́л, де́ла* 'дело', *йезыко́м, ве^ако́м, вяко́м* ([я] < ъ), *тыбе́* 'тебѣ', *да́мни́ки* 'имя собст. Домника', *примудра́* 'прѣмудра', *сы́нъви, ми́льст, ны́ни* ([и] < ъ), *нзбѣснаму* и нек. др., см. тексты ниже.

Достаточно последовательно произносится 2-фрикативное ([γ] — в транскрипции) на месте литературного и диалектного 2-взрывного, хотя отступления от правила в этом случае встречаются значительно чаще³, ср.: *долүотэрт^аелѣ^а, үнев, үлаву́ йеүо, врах, а́нүел, изнемо́ут и поүи́бнут, поүи́бе, үлаю́л, благодея́фшэму, ууотова́ша ноүа́(м), йеүо, своейо́* (многократно), *йеди́наго*; и в то же время (часто в одних и тех же корнях и в пределах небольших отрывков текста) — *зүсли, го-то́во, уготова́, згоря́ш'шими, благоуго́жду, негда́, гнуша́хуся, гнево́м, гре́шницы* и др. Особенно показательны случаи, когда в пределах фонетического слова одно /г/ реализуется как взрывное, а другое — как фрикативное, напр.: *глаүолаша, гре́шнаго*; нужно отметить, что 2-взрывное чаще встречается в позиции начала слова.

Различение *ѣ* и *е* также является весьма устойчивым признаком церковного произношения. В прослушанных текстах отмечено большое количество примеров смягчения согласного перед [e] > /ѣ/, ср.: *гнево́м* (неск.), *үнев, гре́шницы, пове́м, испове́мся* (неск.), *кре́пок, стрѣлы, ме́стника, зве́зды, ч^аелове́к, де́ло, де́лаетэ, соде́ла, ны́не и присно и во́ ^ееки веко́м, в^ач^аныа, т^аебе́, мне, хвалé, но́зе, потреби́л, запре́тил, средь́, ч^аленѣвныа, долүотэрт^аелѣ^а* и т.д. С другой стороны, довольно часто, но не последовательно, согласные перед [e] > /e/ произносятся твердо, напр.: *рэчэ́, тэ́рнийи, үлаю́лэтэ, очюждэ́ни, ползэ́нойе, до́ндэжэ* (неск.), *падэ́, прейдэ́т, смушчэ́н, тэ́бе* (и *тыбе́*), *дадэ́, спасэ́, в^аэ́з_дэн', помышлэ́ни^а, потэ́рпеша, чюд^аса́, в нэм, фпадэ́тся, снидэ́т, үсподэ́ви* и др. Отступления от нормы наблюдаются как в одну, так и в другую сторону, так, несколько раз отмечен твердый согласный перед *ѣ*: *на_сэ́н', ү_свэ́тэ* (мест. п.), *сѣ_устэ́(х)* (мест. п.), хотя примеры такого типа очень редки и являются, видимо, гипернормализмами. Смягчение согласного перед *е* фиксируется часто, что объясняется как влиянием русского литературного, так и диалектного произношения, напр.: *речéт, вер'х', земли́, неправду́, мимотеку́ш'шиа, сплетáю^т, небéс, слез, см'ёрти, словéс, вознеси́ся на небеса́, пер'с'(т), смёртныа*. Следует отметить, что некоторые случаи мягкого произношения согласных могут быть лек-

сикализированными; так, в словах *земля́, слеза́, вер'х* твердый согласный перед *е* в прослушанных текстах не зафиксирован.

Наиболее интересны примеры, когда в пределах одного слова реализуются оба принципа (т.е. как различие, так и неразличие /*е/* и /*ѣ/*), особенно показательно в этом случае поведение лексемы *небеса́*: она может произноситься как *нѣбеса́* или как *небеса́*, но ни разу не зафиксировано правильное *нѣбса́*, хотя сам корень является очень частотным.

Редуцированные *ѣ* и *ѣ*, как это отмечал и Б.А. Успенский, произносятся редко, при очень тщательном произношении. Нами зафиксировано лишь несколько случаев вокализации конечных еров, ср.: *обрати́тся болѣз'не ѣеу, зачѣят болѣз'не, сокруши́л ѣест'*, заударные еры произносятся также в словах *соли́ца, сѣрдцѣ*. На произношение двух последних лексем Б.А. Успенский обращал специальное внимание, см. [1968, 48–51]. Вообще, случаи произношения еров являются скорее исключением из правила, чем правилом, хотя факт их наличия в рассматриваемой системе показателен.

При ближайшем рассмотрении наших материалов выяснилось, что одни и те же правила по-разному реализуются в зависимости от типа произносимого (читаемого) текста и от характера самого произношения. Во время богослужения один и тот же текст может быть исполнен различно; например, *кафизмы* (группы псалмов) читаются, но отдельные псалмы или их отрывки еще и поются. Кроме того, *Псалтырь* читается над усопшим, некоторые чинопоследования могут не только читаться, но и исполняться, как говорят сами старообрядцы, *на распѣф*, т.е. *на распев*.

Как показывают наши материалы, различие между *ѣ* и *е* (т.е. между характером предшествующего им согласного, см. выше) наиболее последовательно сохраняется при чтении богослужебных текстов и практически не соблюдается при чтении небогослужебных текстов религиозного содержания на церковнославянском языке, таких как жития святых из *Прологов*, рассказы из *Патерики*, апокрифы (среди них особенно популярен *Сон пресвятой Богородицы*), статьи из *Никольника* и нек. др.

Аналогичным образом реализуются редуцированные *ѣ* и *ѣ*, окончание род. пад. прилагательных муж. и сред. рода *-аго* (*небесн-аго, един-аго, свят-аго* и др.) произносится как [ауо] при чтении (пении) литургических текстов, и как [агъ], [ѡгъ] и даже [ѡвь/ѡвь] при чтении нелитургических текстов или молитв дома. Редукция безударных гласных практически не наблюдается при пении и псалмодическом чтении богослужебных текстов, но достаточно часто проявля-

ется в бытовом произношении церковнославянских текстов. В бытовом произношении могут фиксироваться и случаи *аканья*, частота его употребления индивидуальна и зависит от степени образованности человека.

Кроме того, характер произношения зависит от темпа речи, и это касается всех типов текста. Материалы, которые привлекались к анализу, показывают, что у одних и тех же чтецов при медленном чтении Псалтыри редукция безударных гласных практически отсутствует, а при чтении текстов во время богослужения (в данном случае *панихиды*) наблюдается значительная количественная и качественная редукция, поскольку многие тексты при этом произносятся скороговоркой (за исключением тех тропарей, которые поются).

Ниже в качестве примера приводятся небольшие отрывки церковнославянских текстов различного назначения и краткие сведения об их исполнителях.

1. К.А. Морозова, 68 лет, Рокишкис; читать по-славянски научилась в детстве, учил отец, служивший наставником в одном из местных приходов (отец Александр сам переписывал богослужебные книги):

а) псалмодическое чтение, Псалтырь 7.12–18: // *Бох судѣт ел' прѣведѣн и крѣпъок и долъютэрп"елѣ" / и не ѹнев_наводѣ на фсяк дѣн' // аш'ше не обратѣтся оружыѣе свое очѣс'сет // лух свой напрежѣ и уготовѣ "е // и в_нѣм ууотовѣ сосуды смѣртныѣ / стрѣлы своя згорѣи'шими содѣла // сѣ болѣ неправду зачѣт болѣз'не и родѣ беззаконѣиѣ // ров_ыгрѣ и ископѣ "е и фпадѣтся в яму южѣ содѣла // обратѣтся болѣз'не ѣѣо на ѹлавѣ ѣѣо и на вер'х' ѣѣо неправда ѣѣо снѣдѣт // исповѣмся ѹсподѣви по правд'е ѣѣо и поѹ ѣмени ѹсподню вѣшнему //*

б) Молитва Отче наш: // *отчѣ наш / ѣже ѣеси на_нѣбесех / да с'вѣтѣица ѣмя твѣ"ѣѣ / да прѣѣйдѣт цѣр'с'вѣѣиѣ твѣ"ѣѣ / и да бѹдѣт вѣоля твѣѣѣ / ѣко на_нѣбеси'и на землѣ // хлѣб наш насѹшныѣ дѣжд' нам днѣс' / и оставѣ нам дѣлги нашѣ / ѣко жѣ и мы оставлѣѣем дѣлжнѣком нашѣм / и не в"ведѣ нас во искушѣнѣиѣ / но избѣви нас от лукавѣо //*

в) чтение во время *панихиды*, Псалтырь 90.3–11: // *ѣко той избѣвит тя о"т_сѣти лѣфчи / и_т слѣвесѣ мѣт'ѣжна / плѣшма свѣѣѣма осѣнѣт тя / и пѣт крѣлѣ ѣѣо надѣѣишыся / оружыѣем обѣѣдѣтся ѣстинѣ ѣѣо // не убойѣишыся ѣт_страха нѣшчнаѣо / о_стрѣлѣ летѣи'шиѣ во днѣ / от вѣш'ши во т'ме прѣходѣи'шиѣ / от срѣ-*

*ш'шя и бѣса полудѣнаго // падѣт от страны твася тѣсеш'шя и
тма одѣсную т'ебѣ / к т'ебѣ жэ не приближытся / обаче очима
свѣйимъ смѣтришы / и воздаяниие грѣшникъмъ ўзришы // яко ты
ўспѣд'и упаваниие майѣ вѣшняяго / пложыль йеси прибѣж'ш'ше
твое // не прїд'ет к т'ебе зло и рана не преблїжытся т'елиси
твѣйемү / яко ангѣл'мъ свѣйимъ заповѣс о тѣбе / сохранїти се во
фсехъ путѣхъ твѣйѣхъ //*

2. У.А. Кудряшова, ок. 30 лет, Рокишкис; читать по-церковнославянски научил отец, в настоящее время — наставник в Рокишкисе:

*а) псалмодическое чтение, Псалтырь 57.2–9: // аш'ше воїстину
убо правду ўлаўолѣтэ / правая судїте сынъви человекес'тии // ибо
ў сѣрдэцэ беззаконїие дѣлаетэ на землі / неправду рўки ваша
сплетаютъ // очюждѣни бѣша / грѣшницы от ложес'т' / заблудїша о
ч'рѣва глаўолаша лжу // ярос'т' и' по подобїю з'мїиу / яко аспїда
глўха / затыкаюш'шию ўшы свойї // ижы ни слышы'т' ѱласа
убаваяш'ши' / обоваїемъ обоваїец'ця от примўдра // бох сокрушїт
зўбы ыхъ въ устѣ ихъ ч'леновныя л'воф сокрушїль'т' йес'т' ўспѣд' //
уничижатся яко вода мимотекуш'шїя / напрежэт лук свой дѣн-
дэжэ изнемѣгут // яко воск растая' отымутся падэ оун' на нихъ / и
ни вїдиша солн'ца //*

3. Наставник А.М. Кудряшов, 58 лет, Рокишкис; молитвы в начале панихиды:

*// ѱстину улажыти тя буўорѣдица приснѣрожѣна пренэпро-
рѣчна мѣтѣр' бѣга нашэго / чѣснѣйш'а херувїмъ и славнѣйш'а бес-
сравнѣнїя сѣрафїмъ бѣга словорѣдїи чѣе и сўшчѣе / и боўорѣ-
дица тѣ величѣемъ // слава отцў и сыну и свѣтѣ дўху / и ныни
и прїсно и во_веки яко́мъ амїн' // ўспѣди памїлуй / ўспѣди
памїлуй / ўспѣди блаўослави // ўспѣдэ исўсэ христѣ сынѣ бѣжыи
мѣтѣре / ўпокой ўспѣди душѣ усѣпшыхъ рапъ свѣ'їхъ / и фсехъ
свѣтѣхъ памїлуй и спасї // бѣжэ мїлас'тивый бўде намъ грѣшнымъ
/ сздѣавый насъ ўспѣди памїлуй насъ / бясъ чыслѣ сѣгрѣшїхъ ўспѣдэ
простї насъ // слава ўспѣди и крѣстў твѣйимү часнѣму / дарўї
ўспѣди цѣрство нябѣсна'бъ рабѣмъ бѣжымъ ... //*

*// покой ўспѣди душѣ усѣпшыхъ рапъ свѣ'їхъ / йелико жытїи
сэмъ яко члѣвѣцы согрѣшїхъ // ты же яко члѣвѣколюбецъ бохъ простї
ихъ и памїлуй / и вѣчныя мўки избавї / нѣбѣсному цѣр'с'вию причѣ-
с'ники учыни / и душѣмъ нашимъ ползїнайе сѣтварї //*

Исходя из вышесказанного можно говорить о трех стилях (типах) церковнославянского произношения у наших исполнителей: полном стиле или пении, псалмодическом чтении и бытовом чтении. Как разновидность последнего типа, видимо, нужно рассматривать не только повседневное чтение текстов религиозного содержания (не обязательно богослужебных) дома, но и произнесение вслух молитв, благословий и под. людьми, не владеющими церковнославянской грамотой. Первые два типа присущи именно литургическому произношению, т.е. обусловлены ситуацией церковной службы. Третий тип произношения противопоставлен первым двум именно как бытовой, повседневный, не связанный с ситуацией богослужения. При пении и псалмодическом чтении наблюдается обязательное понижение тембра голоса, что нехарактерно для бытового произношения.

Как известно, любой церковнославянский текст, который читается во время богослужения, должен быть произнесен с определенной интонацией или *погласицей*, при этом каждый тип текста (напр., *Евангелие*, *Псалтырь*, *паремии*, *статьи* и пр.) обладает своей погласицей. Б.А. Успенский [1968, 25] отмечает, что у различных чтецов, в свою очередь, могут быть *индивидуальные погласицы*, которые колеблются в пределах свободы, допускаемой соответствующим типом *погласицы*. Общим для всех видов *погласиц* является удлинение последнего слога в конце синтагмы.

Выделение индивидуальных погласиц при чтении позволяет говорить об изоморфизме всей системы литургического чтения с системой церковного пения, в которой каждое песнопение обладает множеством устных мелодических вариантов в виде *напевки* (или *попевки*). В результате, в каждом приходе создается своя версия песнопения, что приводит к тому, что певчие разных приходов не могут петь вместе (о *напевке* см. [Большакова 1998, 138]). Видимо, наличием *индивидуальных погласиц* и своих *напевок* объясняются нередкие заявления чтецов (певчих) о том, что именно в их храме читают (поют) правильно, *по-старинному*, как читали и пели их деды и прадеды, а в других моленных отступили от истинного закона.

Вообще создается впечатление, что *чтецы знают правила литургического произношения*, но используют их лишь с той целью, чтобы маркировать читаемый церковнославянский текст определенным набором признаков и тем самым дистанцировать книжное церковное произношение от русского литературного и, особенно, диалектного. Видимо, стремлением дистанцировать церковное произношение от диалектного нужно объяснять спорадическое появление “полумяг-

ких” [г· д·] перед передними гласными (в отличие от аффрицированных диалектных) и произношение [ч] мягкого, как в русском литературном языке (примеры см. выше). Иными словами, у чтецов существует как бы специальный механизм пересчета из одной системы произношения в другую: так, если избегать аканья, произносить /г/ фрикативное и в определенном наборе слов не смягчать согласного перед /е/, то в результате текст будет прочтен *не по-русски, а по-церковнославянски*⁴. Наблюдаемая картина оказывается аналогичной ситуации, возникающей при создании новых текстов на церковнославянском языке во времена позднего средневековья, где также действует механизм пересчета или в тексте на *простом* языке используется определенный набор церковнославянских форм и выражений, что обеспечивает этому тексту книжный (литературный) статус; такой “смешанный” язык принято называть гибридным церковнославянским.

Следует обратить внимание еще на одну характерную особенность чтения во время богослужения. При быстром темпе произношения выделенными (маркированными) являются начало и конец синтагмы, и безударные гласные сохраняют свой тембр в этих позициях. При этом этимологический гласный слышится отчетливо в начальном неприкрытом и конечном открытом слогах, см. текст 1в. Подобные явления наблюдаются и при чтении молитв (в том числе во время богослужения) по памяти, без опоры на письменный текст, хотя в этом случае чаще всего маркированным является начало молитвы. Вообще, влияние диалектного произношения при чтении молитв оказывается наиболее значительным, см. текст 3, где в числе отклонений от нормы отмечены случаи не только аканья, но и яканья.

Некоторые признаки церковнославянского произношения могут переноситься на чтение текстов светского содержания. Например, местная поэтесса из дер. Поповка Игналинского р-на Екатерина Афанасьевна Лазарева начала *окать*, декламируя (точнее, читая по тетрадке) свои стихи. Жительница той же деревни Неонила Терентьевна, читая “стишки” (т.е. заговоры) по рукописной тетрадке, тоже иногда окала: *вих вих / воз’ми свой лих* и др.

Текст заговоров, конечно, далек от ситуации богослужения, но в то же время *сакральный*, или *тайный*, обладающий *магической силой*, и по этому признаку также противопоставлен *обыденному*, *профанному*, как и богослужебный, но в другой системе ценностей. Возможно, именно это обстоятельство и позволяет использовать те же языковые средства (в случае — оканье), которые противопоставляют *звучащий священный текст* и *обыденную диалектную речь*.

В этой связи было бы интересно сравнить произношение наставника во время богослужения и после него, во время проповеди. Если даже читая проповедь, наставник будет стремиться сохранять *оканье* (при том, что в быту он *акает*), а, возможно, и другие признаки церковного произношения, то действительно можно будет говорить о противопоставлении системы *произношения в церкви вообще* и системы *бытового*, в том числе *церковнославянского*, произношения. Но материалом для такого сравнения мы пока не располагаем⁵.

Б.А. Успенский отмечал, что система литургического произношения “представляет собой по преимуществу систему чтения церковнославянских текстов; система произношения ориентирована на систему письма (т.е. кириллицу) и вообще непосредственно связана с графикой; общий принцип данной системы состоит в том, чтобы как можно ближе следовать в произношении тем различиям, которые представлены в письменном тексте” [1968, 24]. Иными словами, система церковного произношения старообрядцев ориентирована на письменный текст и тем самым противопоставлена устному произношению, в том числе церковнославянскому — произнесение молитвы без опоры на письменный текст. Возможно, принцип разграничения произношения при чтении написанного и устного, воспроизводимого по памяти, религиозного (богослужбного) текста генерализируется и воспринимается как принцип разграничения произношения устного и письменного текста вообще, вне зависимости от содержания. Тогда отмеченные нами случаи *оканья*, при чтении стихов и заговоров укладываются в указанную парадигму, т.е. реализуют правило *читай как написано*. Видимо, данное правило может “работать” у тех людей, которые знакомы с системой церковного произношения. В нашем случае это действительно были женщины старшего поколения, знающие *славянскую грамоту*.

В заключение нужно отметить, что именно *оканье*, в отличие от нормативного русского литературного и местного диалектного *аканья*, оказывается наиболее устойчивым признаком литургического произношения старообрядцев Литвы. Он может переноситься и на систему чтения светских текстов. Влиянием церковного произношения, видимо, объясняются и фиксируемые элементы *оканья* при исполнении духовных стихов, на что обращал внимание и Б.А. Успенский [1968, 87]. Другие признаки данной системы обладают значительно меньшей стабильностью. Степень их сохранения (частота использования) варьирует даже у чтецов, представляющих одну общину, и причина этому скорее внешняя — их так научили читать, а настав-

ник может лишь сгладить наиболее сильные расхождения в манере их чтения или пения. Ср. рекомендации духовного наставника Ф. Кузнецова: “Чтецов и певцов к богослужению принимайте ... в грамоте хорошо сведущих, наипаче же чтение было бы правильно, внятно и отнюдь не спешно. Тако же и певцем указывайте пети чинно и согласно певчим книгам по уставному древнему св. церковному осмигласию и всячески устраняйте неосмысленные невежественные напевы и самолюбивое небрежное громогласие” [1929, 9].

В настоящее время трудно сказать, как читали и пели в первом старообрядческом храме в Пуще около местечка Кряунос. Можно лишь предполагать, что тогда церковное пение (и чтение) было наонным (раздельноречным), о чем свидетельствуют сохранившиеся многочисленные старообрядческие рукописные певческие сборники с раздельноречным текстом. Реликты этой древней русской богослужбной певческой традиции мы и наблюдаем в современном литургическом (и, возможно, шире, светско-торжественном) произношении старообрядцев Литвы.

Безусловно, наши выводы носят предварительный характер и должны быть верифицированы на более обширном фактическом материале. Отмеченные в работе особенности литургического произношения как некоторой иерархической системы признаков скорее можно рассматривать как программу для дальнейших исследований. Особый интерес представляет проблема влияния церковного произношения на особенности светско-торжественного чтения старообрядцев старшего поколения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин *литургическое* здесь используется в широком смысле, как относящееся к церковной службе вообще, поскольку у старообрядцев-беспоповцев нет литургии как типа суточного богослужения.

Безусловно, указанная система произношения реализуется на основе русской диалектной артикуляционной базы. “Она складывается из тех моментов, на которые специально обращается внимание и соблюдение которых считается *обязательным* при чтении. С другой стороны, вне этой системы остаются всевозможные варианты произношения (в значительной степени обусловленные диалектными и т.п. особенностями говорящего), которые не считаются релевантными при обучении...” [Успенский 1968, 23–24]. По этой причине такие фонетические явления, как сандхи и нек. др., не относящиеся непосредственно к рассматриваемой системе, а являющиеся фактом диалектной фонетики, остаются за рамками настоящего исследования.

² При транскрибировании примеров используется упрощенная транскрипция (со знаками *я, ю, ё* для передачи мягкости предшествующих согласных, принятая в [Бюллетень 1991]). Мягкость согласных перед [е и] специально не обозначается.

у — звонкий заднебный фрикативный;

т, д — “полумягкие” [т д] перед гласными переднего ряда;

“е, о — дифтонгические [е о];

ʒ, ʒ̣, ʒ̣̣, ʒ̣̣̣, ʒ̣̣̣̣ и др. — ослабленные звуки в конце слова или в группе согласных.

³ Здесь не учитываются лексикализованные случаи произношения в таких словах, как *успѣд'*, *бох* (*бо҃га*), *бо҃городица* и производных от них.

⁴ Безусловно, речь идет лишь о бытовом церковнославянском произношении, поскольку литургическое произношение требует соблюдения определенной *погласицы*. В этой связи уместно заметить, что по старообрядческой церковнославянской азбуке можно научиться только бытовому чтению, научиться же литургическому произношению без учителя, чтению которого нужно подражать, не представляется возможным. Обучение литургическому произношению (*погласицам*) до сих пор происходит устным путем, по слуху, ср. также [Казанцева 1997].

⁵ Ср. утверждение Е.Е. Королевой [1996] о том, что у старообрядцев Латгалии выделяется особый церковный стиль диалектной речи, характеризующийся прежде всего использованием специальной культовой лексики.

ЛИТЕРАТУРА

- Большакова Н., 1998: Знаменное пение старообрядцев Литвы: теория и практика, in *Čiubrinskas V. ir kt. (red.), Lietuvos sentikiai: duomenys ir tyrimai*. 1996–1997. Vilnius, 136–139.
- Бюллетень 1991 = Азарх Ю.С., Касаткина Р.Ф., Щигель Е.В. (сост.), *Бюллетень фонетического фонда русского языка*, прилож. № 1: *Русские народные говоры*, ч. 1. Москва–Бохум, 1991.
- ДЛ = Маркелов Г.В. (подготовка и публ. текста), *Хронограф, сиречь Летописец Курляндско-Литовский*, in Бударагин В.П. и др. (ред.), *Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования*. Ленинград, 1990, 180–248.
- Казанцева М.Г., 1997: Музыкальная грамотность крестьян-старообрядцев Урала, in Волкова Т.Ф. (ред.), *Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера: Межвузовский сборник научных трудов*. Сыктывкар, 130–139.
- Королева Е.Е., 1996: О стилевой дифференциации в русских говорах: церковный стиль (на материале старообрядческих говоров Латгалии, *Valoda–1995*. Daugavpils, 21–26.
- Кузнецов Ф., 1929: Слово к духовным наставникам старообрядческих общин древлецерковного святоотеческого благочестия и предания, находящимся в Польше, *Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше*, № 2. 9.
- Успенский Б.А., 1968: *Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России)*. Москва.